

А вот на фото Андрей, блин, весьма мил – жена, улыбка, ребенок...

Этому разговору – не менее года, и вряд ли беседа попала бы сегодня в печать, если бы не изданная недавно книга Андрея Караулова «Плохой мальчик». Из полторачасовой беседы я отобрал лишь те фрагменты, которые, на мой взгляд, способны добавить штрихи к портрету плохиша-тезки. Тем более что и тираж мемуаров не сравнить с газетным.

Я попытался в манере Андрея Викторовича стенографически точно воспроизводить реплики собеседника. Правда, временами все же приходилось отступать от исторической правды и прибегать к доступным мне синонимам, когда речь интервьюируемого выплескивалась за рамки русского литературного и русского разговорного.

Замененные карауловы слова выделены шрифтом.

– Можно спросить о вашем друге детства? О Дмитрие Якубовском.

– Старик, я скоро материться буду. Я давным-давно дал зарок о Якубовском не говорить. Это всем уже надоело. Если у тебя конкретный вопрос, давай, отвечу.

– Я лишь пытаюсь разобраться. Между вами пять лет разницы, а в детстве это много...

– Чтобы ты не занимался ненужной здесь арифметикой, сразу объясню. У меня и у Якубовского была одна классная руководители-

ца – Альбина Павловна Котлубовская, которую даже звали Якубовской, так как Дима от полноты чувств в десятом классе ее на руках носил. Когда я учился во втором курсе театроведческого факультета ГИТИСа, у меня не было денег, поскольку мама уже ушла на пенсию, а папа помер, и я вынужден был работать в Болшевской средней школе номер два. В классе у Альбины Павловны я вел факультатив по истории русского дореволюционного и советского театра. Среди слушателей одного предмета

оказался мальчик Дима Якубовский. Так мы познакомились. Потом выяснилось, что у нас дома рядом, ну и прочее-прочее...

– При упоминании фамилии вашего однокурсника Кагарлицкого вам тоже хочется материться?

– А чего тебя это интересует?

– Тот скандал в ГИТИСе, когда одного из студентов посадили за антисоветчину, и к вам имеет отношение. Это штрих биографии, характеризующий человека определенным образом.

– С какой стороны?

– Это зависит от того, как человек себя вел.

– Встречайся с Кагар-

лицким, выясняй.

– Мне ведь не он, а вы интересны.

– Тогда зачем начинаешь: Якубовский, Кагарлицкий... Сплошные окончания и суффиксы.

...Боря Кагарлицкий нас всех в институте, к сожалению, заложил. Он сообщил в КГБ, что группа студентов, собирающихся по вечерам в журнале «Театр», и есть антисоветская организация. А мы там о театроведении говорили... Дело было тухлое. Боря вел себя гнусно.

– Вы вышли сухим из воды?

– Нас спас ректор. В принципе КГБ был заинтересован в раскрытии мощной антисоветской организации в ГИТИСе, но это не входило в планы руководства института.

– Эта история вам аукалась в дальнейшем?

– Конечно, Боря Кагарлицкий десять лет бегал по Москве и кричал, что его посадил Караулов с компанией. Ведь город говорил, что я кагэбэшник. Господи, о чем ты спрашиваешь! Если бы не сохранился приговор Мише Ривкину, получившему срок из-за доносов Кагарлицкого, так бы, наверное, я и жил со славой секота. Я не виню Боря,

он спасал себя и испугался больше всех.

– А сколько, кстати, против вас судебных исков было?

– Много. От Руцкого, Баранников...

– С последним, понимаю, у вас давние счеты?

– Однажды он меня избил, хотя до этого меня никто не трогал. Но что толку вспоминать об этом сейчас?

– Я опять-таки не о Бараникове спрашиваю, а о вас. У меня создалось впечатление, что тот давний инцидент 1975 года вы вспомнили только тогда, когда Баранников сидел в «Лефортове» и был вам не опасен?

– Ничего подобного, все, что я думал об этом человеке, я сказал значительно раньше.

– У вас такая хорошая зрительная память, что вы Баранникова с самой первой встречи запомнили?

– О, блин! Если тебя бьет подполковник милиции, заместитель начальника городского отдела, не дает матери по телефону позвонить, орет: «Ах, ты еще выпендриваться будешь?», а потом ка-а-ах хрястнет железной дверцей по рукам, такого на всю жизнь запомнишь.

– А из-за чего к вам тогда милиция привязалась?

– Кто ее знает! Я шел из кино вместе со своим одноклассником и орал на весь парк «Элегию» Массне. По-моему, даже не пьяный был, в десятом классе как-то еще не пил. Иду, пою. Навстречу – два сержанта: «Чего орешь?». Я в ответ: «А что, нельзя?». В то время я уже являлся рабкором местной газеты и родную милицию знал. Попавшиеся мне сержанты были в принципе неплохими ребятами, но именно в этот день один милиционер решил показать другому, как надо задерживать подозрительных типов. Руки заложили и потащили. В час ночи появился Баранников, обезбавивший посты. Ему доложили, что я требую дать мне возможность позвонить домой. В общем, он распустил руки... Зрительная память, говоришь...

А как во взяточничестве меня обвинили, знаешь?

В 1987 году балерина Катя Максимова рассказала мне об одном чуде по имени Михаил Авдеенко. Будучи офицером действующего резерва КГБ, он устраивался на время зарубежных гастролей Большого театра артистом кордебалета и ездил за границу, откуда писал панегирические отчеты в «Советскую культуру». Еще он умудрялся попадать на чемпионаты мира по футболу вместе с нашей сборной. Однажды с этим Авдеенко приключился конфуз. Ушлый продюсер заметил, что одному из артистов кордебалета за 50 лет и по этой причине он совсем не танцует. Авдеенко вынужден был выходить на сцену и задрать ноги. Эту историю я описал в статье «Вперед планетой всей» для «Огонька». Коротич ее пять раз ставил в номер, пять раз она слетала. Потом все же напечатал.

Прошло полгода. Я написал продолжение. За пару дней до публикации мне позвонил Авдеенко и предложил встречу. Я согласился. Правда, захватил с собой пару ребят. Одному глупо идти, верно? В балете Большого театра подергистические мотивы еще очень сильны были.

– Опасались за здоровье?

– Я другого боялся.

Встретились мы с Авдеенко в оговоренном месте. Не успели сдвинуть и пяти шагов, как откуда-то появляются два человека, представляются сотрудниками милиции и велют идти за собой.

– Они объяснили, в чем дело?

– Блин, «Пройдемте!», и вес разговор. Это же 87-й год!

Усадили меня в красные «Жигули» Авдеенко и повезли. Приезжаем в районное отделение милиции, где за столом сидит, блин, нормальный парень капитан Вася, распутывающий дело о краже сосисок из соседнего магазина. И вдруг появляется я, которого задержали на основании заявления Авдеенко в вымогательстве 600 рублей за не публикацию второй части статьи «Огоньке». Вася никак не мог понять, зачем меня к нему привезли. Ребята с Петровки или Лоторопки, или специально дело провалили. Через два дня все обвинение с меня были сняты. Все.

Чем кончилось, знаешь?

– Нет.

– Ничего ты не знаешь.

Проходит еще полгода. Все нормально. С Коротичем, чудакон дружим, целуемся, блин. А потом меня появляется текст статьи Тельмана Гдияна «Противостояние», которой упоминаются фамилии четырех депутатов, блин, взяточников. Коротич бежит в ЦК – советоваться. Он же все носил в ЦК. Прибежал Коротич к партийному идеологу Александру Николаевичу Яковлеву. Тот говорит: «Ты, конечно статью печатай, но, блин, знай, что тебе надо быть кристально чистым. А у нас уже полгода ходят слухи, что ты взял шесть тысяч рублей от Плисецкой за статью о Большом театре. Какой-то твой парень был в этом деле посредником».

Словом, Коротич публикует статью под названием «Плисецкие миллионы», статью о Майе Михайловне Плисецкой, о своей подружке, к которой ходил домой кофе храть, а в театр – аплодировать! По наводке нашли информацию о том, что Плисецкая еще в 1981 году, то есть за шесть лет до статьи, сильно подвела российское государство, не отчитавшись за свои гонорары в римской опере, где работала по контракту худруком. О реакции Майи Михайловны на статью спроси у нее сам, поинтересуйся, что она говорила, уезжая в Мадрид.

ПЯТНИЧНЫЕ БЕСЕДЫ АНДРЕЯ ВАНДЕНКО

Совсем плохой мальчик Андрей КАРАУЛОВ

Космос. правда. – 1996. – 6 апр. – с. 4.

А со мной было еще веселее. Меня уволили на том основании, что своими непрофессиональными действиями я нанес урон репутации журнала.

Кстати, через несколько лет точно так же Коротича выгнали. Правда, передо мной потом все члены редколлегии извинились. Все! Кроме Никулина. Он забыл. Что делать? Я ему не напоминаю эту историю. А остальные извинились – кто устно, кто письменно...

Но тогда меня это сильно угнетало: то кагэбэшник, то взятчик.

– Чувствую, сейчас мы и до гомосексуалистов дойдем.

– Погоди!

Я сейчас расскажу, как начиналась моя книжка «Вокруг Кремля». Первым моим собеседником был Коротич! Денег нет, сижу без работы. Только в «Театральной жизни», где не поверили во взятку, стали меня печатать. И пошла интервью – с Семичастным, с Шелестом, с Чубановым... Но первым стал Коротич.

– Он легко пошел на разговор с вами?

– Абсолютно! Будто ничего и не было.

...А чего тебя это все интересует? Я рассчитывал на разговор о чем-нибудь серьезном. Например, о том, каким будет «Момент истины». Хочу изменить передачу, из политической сделать ее другой. Не скажу, что философской, нет, не получится, у меня не получится. Но есть люди, составляющие гордость нашей культуры. О них все забыли, а я хочу напомнить. Валерий Брумел, Василий Смыслов, Марина Ладина, Михаил Глузский, Галина Уланова. Они, слава Богу, живы. Сегодня мне это интереснее, чем Шохин с Чубайсом.

– Какое-то время назад вы говорили, что намерены закрыть «Момент истины», теперь ведете речь о смене направленности программы. У меня нет оснований не верить вам, но...

– Помнишь, как у Горького? Нет, у Всеволода Вишневского в «Оптимистической трагедии»?

– Проще сказать, что не помню.

– «Никому не верь», – говорит Вожак Алексею. «А тебе можно?» – спрашивает Алексей. «И мне нельзя».

...Хотя с Чубайсом мне было бы весело поговорить. О приватизации.

А так... Это раньше вызывало интерес. Сегодня с кем беседовать? С Лобовым? На черта он нужен? Шумейко? Да, блин, имел я его!

До определенного момента я готов был общаться и с Невзоровым, и с Травкиным, и даже с Руцким. Мне казалось, что я делаю очень важное, почти государственное дело, все время с кем-то борюсь, кого-то разоблачаю и вывожу на чистую воду. Я чувствовал себя игроком хоккейной команды, который постоянно отдает пасы другим. Но потом понял: в этой стране никого ни в чем нельзя убедить. Если я называю фашиста фашистом и он с этим соглашается, а официальной реакции никакой, то зачем все это? Похоже на игру в поддавки.

– Но вам часто инкриминируют именно следовательские замашки.

– Они не видели настоящих следователей. А я видел...

То, что я делаю, это не интервью. Я не идеализирую собственную манеру, но... После каждой передачи приходит масса писем. Порой пишу: «Программа замечательная, но где вы этого гада Караулова нашли? Он ТАКИЕ вопросы задает уважаемым людям!».

Я не звезда, а чернорабочий и могу уйти в любую секунду, но когда после передачи с Козыным... Ты

знаешь Козина? Когда после передачи с ним приходит в два раза больше писем, чем обычно, это что-то да значит. Козин, Исхандер, Лишман – это сегодня важно. Думаю, не только для меня.

– Неужели добровольно откажетесь от приобщенности к тайнам мадридского двора?

– Надоело! Это иллюзия, что мы вообще что-то знаем. Мы питаемся слухами так же, как ими питаются в Кремле. Идешь к вице-премьеру и, условно говоря, рассказываешь ему о болезни премьера, а тот ничего не знает. Он у меня выпытывает. Они в Кремле живут, как в вакууме: а) никто никому не верит; б) почти все перессорилось между собой так, что страшно...

Это только кажется, будто мы разбираемся в происходящем вокруг. И Ельцин не знает того, что происходит в стране: а) не говорит; б) скрывает.

Скучно! Пьеса «Из жизни дождевых червей». Мне эти черви надоели. Если бы не это, я бы давно уже был там, среди них. Мне раз пять предлагали разного рода посты.

– Какие?

– Большие.

– Возглавить пресс-службу важного чина?

– Нет, крупнее. Господь с тобой! Самостоятельная работа.

– Почему же отказались?

– Зачем? Ты хоть знаешь, чем я занимаюсь на самом деле? Книжки

Кстати:

Текст из «Оптимистической трагедии» на самом деле звучит так:

ВОЖАК. ...Верь мне, друг. Вот тебе, как брату: за идею, до конца, вместе! (Обнял и поцеловал товарища в губы крепко и сурово.)

И далее – Сиплomu:

– Не доверяй ни ему, ни ей. (Утер брезгливо губы и сплюнул.) Целовал гада.

СИПЛЫЙ. Кому доверять? Только тебе?

ВОЖАК. Тоже не верь. Все лживые скоты...

В каждом старая жизнь сидит.

пишу, издаю. Олег Борисов, Иннокентий Смоктуновский, он же – Смоктунович... Это принадлежит всем нам в равной мере. А эти политики... Мы о них, блин, забудем очень быстро.

– Вы с политиками на такой же короткой ноге, как и с артистами, – Миша, Вася, Ира?

– Нет, я с политиками водку не пью.

– Не наливают?

– Пойми, мне это не нужно. Единственное исключение – Боровой. Я сделал с ним передачу, продолжали общаться, перешли на «ты».

– «Момент истины» вы предполагаете снимать в собственной квартире. Почему?

– Я по началу не нахожу. Приемные, секретарши... Потом Иван Иванович будет говорить по телефону, затем к нему придет какой-нибудь, блин, важный гость, после бумажку на подпись принесут...

– Думал, это сознательный прием: вы загоняете собеседника на непривычное ему поле и берете тепленького.

– Да Господь с тобой! Через пять минут после начала разговора забываешь, на каком поле игра.

– Мы говорили о страхах молодости. А сегодня вам есть чего бояться?

– Конечно, существуют вещи, о которых я никогда вслух не скажу, потому что жить хочу. Стреляют.

– Неужели и у вашего Козина пули свистят?

– Когда ударили по Якубовскому, то просто пугали.

Ну пристукнут меня, и ничего не поделаешь. Ты спрашиваешь: люблюсь ли я собой? Наверное, люблюсь. Но при всем при том прибить могут на счет раз. Захотят убить – и убьют. Я примерно знаю, кто этого особенно хотел бы.

– Кто?

– Если из передачи в передачу говорить не то что гадости, а разоблачающие факты об одном из кандидатов в президенты, за это, думаешь, по головке погладят?

– Кстати, кто вам досега к передаче готовит?

– Не КГБ, если ты на это намекаешь. Все мои люди в титрах программы указаны.

Надо уметь газеты читать, там много интересного есть. Могу бы сейчас пару фактов подкинуть, но я больше тебе не скажу.

– Почему?

– Надоело по судам таскаться, по миллиону или по два платить.

Я тебе и так много сказал.

– Неужели все-таки свистят пули?

– Кончай меня подкалывать. Не по-лу-чит-ся! Я буду говорить то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.

то, что нужно.